

- Mueller D.C.** (2002). Public Choice Theory. Moscow: AspektPress, 248–303 (in Russian). [Mueller D.C. (1991). Public Choice Theory. In: Greenaway D., Bleaney M., Stewart I. (eds.) "Companion to Contemporary Economic Thought". N.Y.: Routledge, 207–251.]
- Oatley Th.** (2004). Why Is Stabilization Sometimes Delayed? Reevaluating the Regime-Type Hypothesis. *Comparative Political Studies*, 37 (3), 286–312.
- Olson M.** (1982a). The Rise and Decline of Nations: Economic Growth, Stagflation, and Social Rigidities, New Haven: Yale University Press (in Russian).
- Olson M.** (1982b). Stagflation and the Political Economy of the Decline in Productivity. *The American Economic Review*, 72 (2), 143–148.
- Rosser A.** (2006). The Political Economy of the Resource Curse: A Literature Survey. IDS Working Paper 268.

Received 12.07.2017

S.A. Afontsev

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations;
Lomonosov Moscow State University; MGIMO University, Moscow, Russia

Transforming Research Results into Policy Advice: Political Economy Perspective

Abstract. Transformation of research results into policy advice is a challenging business for economists. Most of them are often deeply disappointed by the fact that politicians and bureaucrats ignore recommendations designed to maximize the social welfare. This does not mean, however, that political decision makers are irrational. Rather, political economy argument is that they rationally pay more attention to their own interests as compared with the social welfare. The article argues that the optimal policy advice strategy should rely on the analysis of decision makers' utility functions. The outcome of this analysis is a set of recommendations that are the most economically efficient of those that can be implemented in political equilibrium.

Keywords: *policy advice, well-being economics, public choice theory, new political economy, political economics, endogenous policy theory.*

JEL Classification: A11, D61, D78.

В.М. Полтерович
ЦЭМИ РАН, МШЭ МГУ, Москва

Журнал НЭА,
№3 (35), 2017,
с. 198–206

Разработка стратегий социально-экономического развития: наука vs идеология¹

Аннотация. Стратегии социально-экономического развития в догоняющих странах разрабатываются на основе доминирующих в обществе идеологий и, как правило, терпят неудачу. До недавнего времени экономическая наука не могла предложить альтернативных оснований для проектирования стратегий, однако за последние двадцать лет ситуация изменилась. Тем не менее научные результаты пока еще мало востребованы обществом. В настоящей работе исследуется конфликт между экономической наукой и доминирующей идеологией. С одной стороны, идеология сдерживает развитие научных исследований, а с другой — изменяется под их влиянием. Однако эти изменения происходят медленно по ряду причин, анализируемых в статье. Идеология неизбежно связана с интересами экономических агентов. Старая элита препятствует становлению новой идеологии, поскольку новые концепции выявляют ошибки предлагавшихся в прошлом проектов. Кроме того, реализация новых идей может требовать институциональных преобразований, ослабляющих власть действующих высокопоставленных чиновников. Между тем в современных обществах отсутствуют регулярные механизмы, обеспечивающие подобные преобразования, а вероятность рациональных волевых решений, противостоящих доминирующей идеологии, невелика.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект 17-02-00524а).

Ключевые слова: *догоняющее развитие, радикализм, Вашингтонский консенсус, градуализм, институциональная реформа, промежуточный институт.*

JEL Classification: A11, B52, D02, O25, O29, P21.

Тот, кто пытается рассуждать о сложных экономических взаимосвязях без теории, добивается, как правило, лишь того, что рассуждает о них с использованием очень плохой теории.

П. Хейне.

Экономический образ мышления.

1. Введение

Как правило, стратегии социально-экономического развития в догоняющих странах терпят неудачу. Это породило сомнения в принципиальной возможности научного подхода к решению подобных задач, и более того, в прикладной значимости социально-экономического знания как такового. Сомнения высказывают не только сторонние наблюдатели, но и профессионалы. Так, один из крупнейших современных специалистов по теории игр А. Рубинштейн пишет: «За сорок лет моей профессиональной деятельности я не встретил ни одной модели, которая убедила бы меня в том, что экономическая теория может иметь прямое практическое применение» (Rubinstein, 2017, p. 167). Это утверждение высказано им в рецензии на недавно вышедшую книгу Д. Родрика (Rodrik, 2017). В ней автор, предупреждая читателя, что экономическая наука — это не более чем коллекция моделей, тем не менее старается убедить на примерах, что за счет правильного использования экономических моделей можно получать практически важные результаты.

Стратегии выбираются не экономистами-исследователями, а правящей элитой на основе доминирующих идеологий, которые эволюционируют по своим собственным закономерностям. На эту эволюцию влияет не только состояние научных знаний, но и уровень развития общества в целом, и интересы элиты. Таким образом, претензии широкой публики к экономистам справедливы лишь отчасти. Верно, однако, что до сих пор экономическая наука не смогла предложить

достаточно общую и убедительную методологию проектирования стратегий, обеспечивающих рост общественного благосостояния. Впрочем, в последние годы получены важные результаты по разработке такой методологии, и это делает проблему взаимовлияния идеологии и научного экономического знания особенно актуальной.

«Наука и идеология» — тема ряда исследований. Именно так называлось президентское послание Дж. Шумпетера, прочитанное им на заседании Американской экономической ассоциации в 1948 г. (Schumpeter, 2008). Для Дж. Шумпетера идеология — это система взглядов и ценностных ориентаций, которые определяют задачи, выбираемые исследователем, и его видение проблем, включая гипотезы, которые он пытается доказать. На идеологию могут влиять социальная и групповая принадлежность ученого, так же как его характер и личный опыт. Но, в принципе, научный метод должен обеспечить проверку гипотез на основе эмпирических данных и тем самым нивелировать идеологическую предвзятость (Ideological Bias). Основной вопрос, рассматриваемый Дж. Шумпетером, состоит в том, в какой мере предвзятость влияет на «развитие того, что, возможно, ошибочно называют научной экономической теорией» (Ibid, p. 210). Рассматривая в качестве примеров теории А. Смита, К. Маркса и Дж.М. Кейнса, Дж. Шумпетер заключает, что хотя идеология может тормозить научное исследование, обойтись без нее невозможно.

Шумпетеровское понимание проблемы легло в основу многочисленных исследований, где авторы демонстрируют, как идеология, определяя точку зрения ученого, с одной стороны, помогает выбирать задачи и формулировать исходные гипотезы, а с другой — порождает тенденциозный отбор фактов, игнорирование достижений оппонентов, обвинения их в некомпетентности (см., например, (Diesing, 1982)).

Однако термин «идеология» имеет более общее содержание. Это система взглядов и ценностей, разделяемых той или иной группой людей в отношении определенной совокупности объектов. Дж. Шумпетер и его последователи изучают влияние идеологической предвзятости исследователей на научные результаты. В настоящей работе рассматриваются идеологии, исповедуемые широкими слоями общества либо элитами и касающиеся социально-экономических преобразований. Если речь идет о властвующих элитах, будем говорить о доминирующей идеологии. Основное внимание уделяется взаимовлиянию идеологии и науки в контексте разработки реформ и стратегий догоняющего развития.

В разд. 2 рассматриваются возможности экономической науки и роль идеологии в формировании долгосрочных стратегий. Разд. 3 посвящен обсуждению радикальных и градуалистских идеологий; обращается внимание на то что идеология шоковой терапии, воплощенная в Вашингтонском консенсусе, фактически не изжита до сих пор, несмотря на демонстрацию ее ошибочности в научных исследованиях. В разд. 4 анализируются причины, в силу которых научные результаты воздействуют на доминирующую идеологию с большим запаздыванием.

2. Что может экономическая теория

Обычно указывают две базовые черты научного знания: логическую непротиворечивость и согласованность с наблюдениями. В экономической теории логическая непротиворечивость достигается за счет построения и математического исследования моделей, а согласованность с наблюдениями проверяется путем эконометрических расчетов и систематизации конкретных случаев (case studies). Все эти подходы имеют свои ограничения.

Модельная теория обычно позволяет исключить неэффективные варианты, но не дает однозначных рекомендаций, так как ее выводы зависят от предположений, проверка которых непростая.

Эконометрические исследования помогают сформулировать правдоподобные гипотезы, но не окончательные заключения, так как их выводы справедливы в среднем по выборке, но не обязательно для конкретного объекта. Это особенно важно учитывать в контексте рассматриваемой проблемы – успех догоняющего развития редок, так что успешные страны нередко оказываются аутлайерами.

Изучение конкретных случаев, строго говоря, не позволяет делать общих заключений. Этот подход, однако, не только важен для проверки абстрактных теорий и реализации эконометрических расчетов, но и ценен сам по себе, особенно когда число интересующих нас случаев сравнительно невелико.

Логическая структура абстрактных экономических теорий, таких как, например, теория общего равновесия, ничем не отличается от структуры теорий в естественных науках. Но сложность общественных систем, их изменчивость и невозможность (за исключением редких ситуаций) проведения лабораторных экспериментов приводят к тому, что общие концепции, претендующие на объяснение реальности и на практическую значимость, вынуждены опираться на идеологию. Идеология скрепляет научно установленные факты, организуя их в единое целое². Чем большее число таких фактов удастся объединить в рамках той или иной идеологической установки, тем большее доверие вызывают предположения, фактически лежащие в ее основе.

Эти соображения в полной мере применимы к стратегиям социально-экономического развития: использование той или иной концепции идеологического характера в процессе их разработки неизбежно, но при этом они должны опираться на результаты научных исследований. Более того, стратегию целесообразно рассматривать как проект, который в обязательном порядке должен содержать определенные разделы, в том числе анализ опыта других стран, решавших аналогичные задачи³.

² См., например, (Норт и др., 2012; Аджемоглу, Робинсон, 2015).

³ Возможный перечень разделов аналогичен приведенному в (Полтерович, 2007, с. 429) для проектов по разработке реформ.

3. Конфликт идеологий: градуализм vs радикализм

Радикализм как идеология социально-экономических преобразований может иметь научное обоснование разве что в исключительных случаях. Но и тогда он подвержен риску, связанному с возможной ошибочностью этих обоснований. Как отмечалось выше, при исследовании общества нет гарантий, что все существенные факторы будут учтены.

В отличие от радикализма градуалистские идеологии институциональных преобразований предусматривают принципиальную возможность экспертной оценки промежуточных результатов и тем самым – опоры на научное знание. Градуализм включает в себя возможность радикальных решений как частный случай и в гораздо большей степени подходит на роль «цемента», скрепляющего результаты исследований.

Неэффективность шоковой терапии многократно подтверждалась историческим опытом, включая революционные попытки построения демократии и тотально управляемой экономики. Особенно яркой иллюстрацией нерациональности этой идеологии явился переход к рынку около тридцати бывших социалистических стран в 1990-х годах. Его идеологической основой стал так называемый Вашингтонский консенсус – список из десяти рекомендаций, не опиравшийся на какой-либо научный анализ, не учитывавший ни культурных, ни институциональных ограничений и претендовавший на универсальность независимо от условий конкретной страны⁴.

Отметим, что выдающиеся западные экономисты противостояли идеологии шоковой терапии. Еще в 1990 г. тридцать профессоров, включая трех нобелевских лауреатов, написали письмо М.С. Горбачёву, призывая его не повторять ошибок развитых стран и создать механизм, обеспечивающий полное изъятие ренты от использования земли и природных ресурсов в пользу государства (Tidemann, 1990). В 1996 г. последовало новое письмо, подписанное несколькими россий-

скими и американскими учеными, в том числе лауреатами Нобелевской премии Л. Клейном, В. Леонтьевым, Дж. Тобином, где, в частности, говорилось: «Политика невмешательства государства, являющаяся частью “шоковой терапии”, не оправдала себя. Правительству следует заменить ее программой, при которой государство берет на себя основную роль в экономике, как это происходит в современных смешанных экономиках США, Швеции, Германии» (Абалкин, Богомолов, Макаров и др., 1996).

К середине 1990-х годов несостоятельность Вашингтонского консенсуса стала очевидной, начали появляться научные публикации, объяснявшие ее причины (см. обсуждение и ссылки в (Stiglitz, 2008)). Однако сторонники Вашингтонского консенсуса отступили лишь на шаг. По их мнению, Вашингтонский консенсус достаточно дополнить тезисом о том, что в первую очередь надо улучшать институты. Речь идет об укреплении судебной системы, обеспечении прав собственности и свободы конкуренции, снижении уровня коррупции и барьеров для входа на рынки и т.п. Предполагается, что добиться этого можно за достаточно короткие сроки без существенных издержек, независимо от действующих институтов и состояния массовой культуры, после чего рынок сам обеспечит быстрый экономический рост. Никаких обоснований этого предположения не приводится. Правительствам предложено сосредоточиться на сдерживании инфляции, инфраструктуре и образовании (см., в частности, (Russian Federation, 2016)). Элементы промышленной политики допускаются разве что в поощрении инноваций. По существу, мы имеем дело с новым, ослабленным вариантом шоковой терапии – идеологией, которую, используя термин Дж. Стиглица, можно назвать институциональным рыночным фундаментализмом.

Основной порок Вашингтонского консенсуса и его модификаций состоит в том, что они не учитывают многочисленных ограни-

⁴ Более подробный анализ Вашингтонского консенсуса и его последствий см. в (Stiglitz, 2008; Полтерович, 2007).

чений, возникающих на пути шоковой трансплантации институтов из более развитых систем. В статье (Полтерович, 2001) была дана классификация дисфункций, с которыми приходится сталкиваться при попытках реализовать подобные стратегии, приведены многочисленные примеры и предложена концепция реформы как последовательности промежуточных институтов, каждый из которых совместим с ограничениями, и в то же время ослабляет их, позволяя сделать очередной шаг к намеченной цели. Д. Норт и его соавторы (Норт и др., 2012, с. 6) утверждают, что идеология прямолинейного заимствования институтов противоречит имеющимся научным результатам: «Исследователи осознали, что институциональная программа для развивающихся стран – это не то же самое, что идущее по нарастающей и линейное усвоение институтов в развитых странах», так как «институциональные нужды в этих регионах качественно отличаются от нужд развитых стран».

Оказывается, что страны, сумевшие за последние 60 лет войти в пул передовых экономик, в большинстве своем использовали один и тот же набор институтов. В статье (Полтерович, 2016) они названы институтами догоняющего развития. К ним относятся корпоративистская система управления, индикативное планирование, генеральное агентство развития с широкими полномочиями, национальная инновационная система, нацеленная на заимствование технологий, механизмы тесного взаимодействия государства и бизнеса, бизнеса и банков и ряд других. В России созданы зачатки этих институтов, но попытки формирования, пожалуй, наиболее важного из них – генерального агентства развития, – терпят неудачу (см. ниже).

4. Почему успех догоняющего развития столь редок

На заданный в заголовке вопрос нельзя ответить указанием на одну-единственную причину. Имеется ряд факторов, ответственных за неудачи реформ (Полтерович, 2014). Среди них – несовершенство экономической теории. Другое важное обстоятельство состоит в том,

что доминирующая идеология, как правило, отстает от взглядов, соответствующих современному ей научному знанию, по ряду причин, обсуждаемых ниже.

1. Популяризация новых научных результатов, их освоение широкой общественностью требует значительного времени. Так, экономические кризисы, порожденные применением рецептов Вашингтонского консенсуса, разразились в самом начале 1990-х годов, первые систематические исследования, продемонстрировавшие его несостоятельность, были опубликованы в середине 1990-х, а идеология шоковой терапии, пусть и в трансформированном варианте, не преодолена и до сих пор.

2. Изменение идеологии вызывает сопротивление ее адептов. В работе (Gauchat, 2012) автор, рассматривая изменение отношения американцев к науке с 1974 по 2010 г., приходит к заключению, что уровень доверия к научному сообществу снизился, но произошло это главным образом за счет тех, кто придерживается консервативной идеологии (Ibid, p. 179). Отмечается, что одна из причин отрицательного отношения консерваторов – использование научных знаний для обоснования социальной политики, сглаживающей неравенство в доходах. Напомним, что консерваторы в США выступают за сворачивание перераспределительной социальной политики.

3. Идеология реформ в значительной мере формируется под влиянием международных организаций, отдающих предпочтение интересам развитых стран. В работе (Chang, 2002) автор показывает, что, создав современную систему международных экономических отношений (основанную на идеологии глобализации), страны Запада «отбросили лестницу», по которой они сами взобрались на вершину благосостояния, и отставшие страны воспользоваться ею уже не могут. В частности, правила ВТО препятствуют проведению эффективной промышленной политики, а законы о защите прав на интеллектуальную собственность ограничивают возможности догоняющих экономик заимствовать более совершенные технологии.

Система помощи, возглавляемая МВФ и Всемирным банком, неоднозначно влияла на развитие подопечных. Вот что об этом пишет Дж. Стиглиц: «Имеется... широкий консенсус о том, что международные экономические институты установили несправедливые правила игры... и навязали провальную политику развивающимся странам, которые зависимы от этих институтов...» (Stiglitz, 2008, p. 53). Одним из последствий политики МВФ и Всемирного банка стало внедрение в сознание доминировавших элит идеологии Вашингтонского консенсуса, не изжитой до конца и по сей день.

4. Еще одна причина медленной реакции доминирующей идеологии на прогресс науки состоит в том, что для реализации новых идей могут потребоваться институциональные преобразования, ущемляющие краткосрочные интересы той или иной группы населения, защищаемые элитой, либо ослабляющие власть высокопоставленных чиновников.

Рассмотрим в качестве иллюстрации проблему формирования генерального агентства развития в России. Взгляды руководителей ведомств во многом определяются теми задачами, которые должны решать подчиненные им учреждения. При стандартной структуре правительства «перетягивание каната» между ЦБ, Минфином и Минэкономки неизбежно, и это делает крайне маловероятным достижение быстрого устойчивого экономического роста⁵. Именно поэтому, как отмечалось в предыдущем разделе, успешные догоняющие страны создавали генеральные агентства развития, обеспечивавшие составление планов и согласование разных типов экономической политики для реализации главной цели. Однако формирование такого агентства сокращает полномочия руководителей ведущих ведомств. Не удивительно,

что правительственная дискуссия о создании подобного органа завершилась формированием 30 июня 2016 г. Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам, в состав которого вошли те же самые руководители. Несмотря на масштабную формулировку целей, содержащуюся в соответствующем указе Президента (№ 306 от 30.06.2016 г.), большая часть конкретных задач, которые должна решать такая структура, до сих пор даже не поставлена⁶.

Здесь мы сталкиваемся с принципиальной трудностью: эффективной реализации новых идей препятствуют политические ограничения, в то время как в современных догоняющих странах отсутствуют регулярные механизмы, обеспечивающие их преодоление, а вероятность рациональных волевых решений, противоречащих доминирующей идеологии, невелика.

5. Старая элита может препятствовать становлению новой идеологии, потому что новые концепции выявляют ошибки предлагавшихся в прошлом проектов, тем самым негативно влияя на имидж и устойчивость позиций их авторов.

6. Д. Родрик обратил внимание на интересный феномен: высказываясь в публичном пространстве, экономисты склонны следовать доминирующей идеологии, тем самым поддерживая ее. Он пишет: «Восхваление рынков в публичных дебатах сегодня стало почти профессиональным долгом. Поэтому мнения экономистов, выражаемые на публике, могут радикально отличаться от мнений, выражаемых на семинарах» (Rodrik, 2017, p. 94).

7. Сопrotивляясь влиянию науки, доминирующая идеология сама воздействует на нее. Важный канал воздействия – финансирование, в особенности когда речь идет о раз-

⁵ Б. Мартин, специалист по истории испанской экономики, говоря о создании Управления экономической координации и планирования при премьер-министре Испании в 1957 г., отмечает: «Такие административные изменения были важными шагами по устранению хронического соперничества, существовавшего между экономическими министерствами» (Martin, 1988).

⁶ Впрочем, дискуссия продолжается. Так, глава Минэкономразвития М. Орешкин утверждает: «Традиционно Министерство экономики – это штаб изменений», – а в программе Института экономики роста прямо говорится о создании Штаба реформ, «организатора, проводника и координатора реализации «Стратегии роста» (см. <http://xn--80apatglfdfbadi.xn--plai/upload/iblock/aff/strategiya-rosta-28.02.2017.pdf>).

работке стратегий. Кроме того, разработчик, коль скоро он хочет, чтобы его предложения нашли применение, должен учитывать политические ограничения, тесно связанные с доминирующей идеологией (Полтерович, 2007, с. 315–317).

5. Заключение

Причины неудач намечаемых стратегий и проводимых реформ многочисленны (Полтерович, 2014) и далеко не исчерпываются рассмотренной выше коллизией противостояния доминирующей идеологии и экономической науки. Но, кажется, в последнее время в России именно это противостояние стало критическим фактором, препятствующим формированию эффективных стратегий. Поведенческий парадокс, описанный Д. Родриком, можно наблюдать не только в США: профессиональные экономисты, готовые на семинарах вполне сбалансированно обсуждать преимущества и недостатки государственного вмешательства в экономику, в публичных высказываниях предпочитают становиться на крайние позиции «защитников рынка». Возможно, сказывается тот факт, что научные выводы всегда обременены многочисленными оговорками и условиями, а потому с трудом воспринимаются широкой публикой. Еще одно важное обстоятельство состоит в том, что доминирующая идеология вынуждена противостоять другим столь же мало обоснованным концепциям. Поэтому возникают опасения, что признание даже их частичной правоты неблагоприятно скажется на политических решениях.

Задачи реформирования институтов и экономической политики не могут быть решены автоматически на основе имеющихся теорий. Почти по каждой проблеме существует множество результатов, справедливых при тех или иных условиях. Они не способны исчерпать многообразие встречающихся на практике ситуаций, включая и различия между странами, и состояния мирового рынка и международных отношений.

Такая структура социально-экономического знания диктует необходимость проведения предварительных и (или) встроенных

исследований при разработке стратегий. Речь идет о предварительном изучении вопросов, наиболее важных в контексте рассматриваемых преобразований. Встроенные исследования и экспериментирование должны быть предусмотрены самой программой реформ.

Негативное влияние доминирующей идеологии на научные разработки можно попытаться ослабить, создав систему альтернативных экспертных центров, финансируемых на постоянной основе, и процедуру открытых обсуждений предлагаемых стратегий (Полтерович, 2014). В 2017 г. в России сделан важный шаг в этом направлении: у Центра стратегических разработок, традиционного разработчика долгосрочных программ, появился конкурент – Институт экономики роста им. П.А. Столыпина. Этому институту официально поручено разработать альтернативную стратегию. Однако, как показывает проведенный выше анализ, проблема противостояния доминирующей идеологии и науки на сегодняшний день не имеет регулярных способов решения. Можно лишь надеяться, что осознание этой трудности и дальнейшие исследования позволят найти градуалистские подходы к ее преодолению.

ЛИТЕРАТУРА

- Абалкин Л., Богомолов О., Макаров В., Шаталин С., Яременко Ю., Львов Д., Клейн Л.** и др. (1996). Новая экономическая политика для России. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.r-reforms.ru/indexpub276.htm>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: июль 2017 г.).
- Аджемоглу Д., Робинсон Д.А.** (2015). Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ.
- Норт Д., Уоллис Дж., Уэбб С., Вайнгаст Б.** (2012). В тени насилия: уроки для обществ с ограниченным доступом к политической и экономической деятельности. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.
- Полтерович В.М.** (2001). Трансплантация экономических институтов // *Экономическая*

наука современной России. № 3. С. 24–50.

Полтерович В.М. (2007). Элементы теории реформ. М.: Экономика.

Полтерович В.М. (2014). Почему реформы терпят неудачу // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 3 (23). С. 169–173.

Полтерович В.М. (2016). Институты догоняющего развития (к проекту новой модели экономического развития России). В сб.: «*Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*». Вып. 5 (47). С. 34–56.

Chang H.-J. (2002). *Kicking Away the Ladder: Development Strategy in Historical Perspective*. London: Anthem Press.

Diesing P. (1982). *Science and Ideology in the Policy Sciences*. New York: Aldine.

Gauchat G. (2012). Politicization of Science in the Public Sphere: A Study of Public Trust in the United States, 1974 to 2010 // *American Sociological Review*. Vol. 77 (2). P. 167–187.

Martin B. (1988). The Economy. Chapter 3. In: “*Spain: A Country Study*” Solsten E., Meditz S.W. (eds.). [Электронный ресурс] Washington: GPO for the Library of Congress. P. 135–204. Режим доступа: <http://countrystudies.us/spain/51.htm>, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: июль 2017 г.).

Russian Federation (2016). [Электронный ресурс] IMF Country Report No. 16/229. Режим доступа: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/scr/2016/cr16229.pdf>, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: июль 2017 г.).

Rodrik D. (2017). *Economics Rules. The Rights and Wrongs of the Dismal Science*. New York, London: W.W. Norton & Company.

Rubinstein A. (2017). Comments on Economic Models, Economics, and Economists: Remarks on Economics Rules by Dani Rodrik // *Journal of Economic Literature*. Vol. 55 (1). P. 162–172.

Schumpeter J. (2008). Science and Ideology. In: “*The Philosophy of Economics. An Anthology*”. D.M. Hausman. Third Edition. Cambridge: Cambridge University Press. P. 207–221.

Stiglitz J.E. (2008). Is There a Post-Washington Consensus Consensus? In: “*The Washington*

Consensus Reconsidered: Towards a New Global Governance” Serra N., Stiglitz J.E. (eds.). Oxford: Oxford University Press. P. 41–56.

Tidemann N. (1990). Open Letter to Mikhail Gorbachev. [Электронный ресурс] Режим доступа: [https://en.wikisource.org/wiki/Open_letter_to_Mikhail_Gorbachev_\(1990\)](https://en.wikisource.org/wiki/Open_letter_to_Mikhail_Gorbachev_(1990)), свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: август 2017 г.).

Поступила в редакцию 11 августа 2017 года

REFERENCES (with English translation or transliteration)

Abalkin L., Bogomolov O., Makarov V., Shatalin S., Yaremchenko Yu., Lvov D., Klein L. et al. (1996). New economic policy for Russia (in Russian). [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.r-reforms.ru/indexpub276.htm>, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: август 2017 г.).

Acemoglu D., Robinson D.A. (2015). *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*. M.: ACT (Translation in Russian).

Chang H.-J. (2002). *Kicking Away the Ladder: Development Strategy in Historical Perspective*. London: Anthem Press.

Diesing P. (1982). *Science and Ideology in the Policy Sciences*. New York: Aldine.

Gauchat G. (2012). Politicization of Science in the Public Sphere: A Study of Public Trust in the United States, 1974 to 2010. *American Sociological Review*, 77 (2), 167–187.

Martin B. (1988). The Economy. In: Solsten E., Meditz S.W. (eds.) “*Spain: A Country Study*”. Washington: GPO for the Library of Congress. Chapter 3, 135–204. Available at: <http://countrystudies.us/spain/51.htm> (accessed: August 2017).

North D., Wallis J., Webb S., Weingast B. (2012). *In the Shadow of Violence: Lessons for Limited Access Societies*. M.: HSE Publishing House (Translation in Russian).

Polterovich V.M. (2001). Transplantation of Economic Institutions. *Economic Science of Contemporary Russia*, 3, 24–50 (in Russian).

- Polterovich V.M.** (2007). Elements of Reform Theory. M.: Ekonomika, 447 (in Russian).
- Polterovich V.M.** (2014). Why Reforms Fail. *Journal of the New Economic Association*, 3 (23), 169–173 (in Russian).
- Polterovich V.M.** (2016). Institutions of Catching-up Development (on the Project of a New Model for Economic Development of Russia). *Economic and Social Changes-Facts, Trends, Forecast*, 47 (5), 34–56 (in Russian).
- Rodrik D.** (2017). Economics Rules. The Rights and Wrongs of the Dismal Science. New York, London: W.W. Norton & Company.
- Rubinstein A.** (2017). Comments on Economic Models, Economics, and Economists: Remarks on Economics Rules by Dani Rodrik. *Journal of Economic Literature*, 55 (1), 162–172.
- Russian Federation (2016). IMF Country Report No. 16/229. Available at: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/scr/2016/cr16229.pdf> (accessed: August 2017).
- Schumpeter J.** (2008). Science and Ideology. In: Hausman D.M. (ed.) “*The Philosophy of Economics. An Anthology*”. Third Edition. Cambridge: Cambridge University Press, 207–221.
- Stiglitz J.E.** (2008). Is there a Post-Washington Consensus Consensus? In: Serra N., Stiglitz J.E. (eds.) “*The Washington Consensus Reconsidered: Towards a New Global Governance*”. Oxford: Oxford University Press, 41–56.
- Tidemann N.** (1990). Open letter to Mikhail Gorbachev. Available at: [https://en.wikisource.org/wiki/Open_letter_to_Mikhail_Gorbachev_\(1990\)](https://en.wikisource.org/wiki/Open_letter_to_Mikhail_Gorbachev_(1990)) (accessed: August 2017).

Received 11.08.2017

V.M. Polterovich

Central Economics and Mathematics Institute, Russian Academy of Sciences, MV
Lomonosov Moscow State University, Moscow School of Economics, Moscow, Russia

Designing the Strategies for Socio-Economic Development: Science vs. Ideology

Abstract. Strategies for socio-economic development in «catching-up» countries are designed on the basis of ideologies dominated in the society and, as a rule, fail. Until recently, economic science could not offer an alternative basis for designing strategies, but over the past twenty years the situation has changed. Nevertheless, scientific results are still weakly demanded by society. In this paper, the conflict between economics and dominant ideology is explored. On the one hand, ideology restrains the development of scientific research, and on the other hand it is changing under its influence. However, these changes are very slow for a number of reasons, analyzed in the paper. Ideology is inevitably connected with the interests of economic agents. The old elite prevents the emergence of a new ideology, since new concepts reveal the mistakes of past projects. In addition, the implementation of new ideas may require institutional changes that weaken the power of existing high-ranking officials. Meanwhile, in modern societies there are no regular mechanisms providing such transformations, and the probability of rational volitional decisions, which confront the dominant ideology, is small.

Keywords: *catching-up development, radicalism, Washington Consensus, gradualism, institutional reform, interim institution.*

JEL Classification: A11, B52, D02, O25, O29, P21.